

С.Г.Воркачев (Краснодар)

КОНЦЕПТ СЧАСТЬЯ: ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Культурный концепт как многомерное ментально-вербальное образование, включающее в себя как минимум три ряда составляющих: понятийную, образную и телесно-знаковую [Ляпин 1997: 18], обретает статус объекта лингвистического анализа именно благодаря последней, присутствие которой в его семантике отделяет лингвокультурологическое понимание концепта от логического, математического и семиотического.

Собственно языковой, внутрисистемный момент в семантике культурного концепта отмечается практически всеми исследователями лингвокультурологической ориентации, более того, высказывается мысль о том, что его полное семантическое описание складывается из описаний синтагматических и парадигматических связей слов-имени концепта [Никитина 1991: 118] и состоит во включении этого слова «в некоторый смысловой ряд, определяющий, в частности, наборы... синонимов и антонимов» [Лотман 1994: 420], а «семиотическая плотность» – наличие у него большого числа синонимов – признается концептологически значимой характеристикой [Карасик 1996: 4]. Знаковая, лингвистическая природа культурного концепта предполагает его закрепленность за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта (слово-термином). Имя концепта – это главным образом слово, а в случае многозначности последнего – один из его лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [Москвин 2000: 138].

Совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе еще от Ф.Соссюра получила название ‘значимости’ (*valeur*) [Сюсюр 1977: 113–114, 146–148] или, в другом переводе, ‘ценности’ [Соссюр 1998: 78–80, 111–113]. Исследовать ее свойства женевский лингвист призывает не только по «оси одновременности», в синхронии, но и

по «оси последовательности», в диахронии [Сосюр 1977: 114; 1998: 80], последняя ось в случае значимостной составляющей культурного концепта раскрывается, очевидно, как «этимологическая память слова» [Апресян 1995, Т.2: 170], фиксирующая эволюцию внутренней формы лексической единицы, путь её 'этимона'.

В случае многозначности имени культурного концепта значимостная составляющая последнего в синхронии описывается прежде всего через внутрипарадигматическую 'равнозначность' и 'разнозначность' ЛСВ этого имени: отношения синонимии и омонимии в границах соответствующей словарной статьи. В число значимостных характеристик концепта входит также, очевидно, соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность. В принципе, значимостными являются и прагмастилистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда.

Настоящее – это «следствие прошлого», и поэтому вполне оправдан и закономерен интерес исследователей синхронного состояния языка к фактам диахронии, определяющим направление «семантической деривации» [Зализняк 2001] и в 'снятом виде' присутствующим в семантике слова в форме его «культурной памяти» [Бабаева 1998; Яковлева 1998]. Так, например, есть все основания полагать, что семантическая история концепта СЧАСТЬЕ пофрагментно фиксируется в современных частеречных реализациях его имени.

Судя по данным этимологических источников, гиперонимом имен *счастье* и *несчастье* и семантическим архетипом соответствующих концептов является '*судьба*' как жизненный путь человека, предназначенный ему богами: «хорошая часть/участь» [Фасмер 1996, т. 3: 816; Шанский 2000: 310], в свою очередь *часть* этимологически восходит к корню со значением конкретного физического действия *кус* – откусить от пирога жизненных благ [Толстая 1994: 143–147]. Представления о счастье как о душевном состоянии, отличном от благополучных жизненных обстоятельств в ис-

тории культуры относительно новы. Первоначально счастливым считался человек, которому покровительствуют боги, отсюда – *eudaimonia* «благая судьба» [Кессиди 1983: 32]. С распадом мифологического мышления происходит десакрализация мифологемы СУДЬБА, место «*даймона*» – божества занимает «*тюхе*» – «случай, попадание», и «благая судьба» превращается в «эвтихию» – «благоприятный случай», «везение», «удачу», в то, что несет в себе уже обезличенная фортуна. Семантически, протагонистом эвтихии является человек, на долю которого выпадает удача, а субъектом – наблюдатель, выносящий оценку благоприятности внешних жизненных обстоятельств протагониста. «Благая судьба» и «благоприятный случай» превращаются в собственно представления о счастье лишь с совпадением «протагониста» и «наблюдателя» в одном лице, что дает субъекту возможность интроспекции и рефлексии – выносить оценку «положения дел» вне себя и судить о своей эмоциональной реакции на неё внутри себя. Таким образом, счастье как оценка человеком 'успешности' собственной судьбы концептуально и хронологически производно от удачи. Кстати, можно отметить, что в паремиологическом словаре В.Даля, не так уж и древнем по времени составления (1853 год), тематического раздела, включающего понятие СЧАСТЬЯ–ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ, нет вообще; имеется лишь раздел СЧАСТЬЕ–УДАЧА [Даль 1996, т. 1: 75–103]. Вообще же, следует заметить, что в эволюции концепта СЧАСТЬЕ последовательно прослеживается субъективизация и перемещение вовнутрь 'локуса контроля'. Изначально СЧАСТЬЕ – это *судьба, рок*, затем это *случай, везенье* – нечто сугубо внешнее и не зависящее от человека, и, наконец, это «деятельность души в полноте добродетели» (Аристотель), а быть или не быть добродетельным – зависит исключительно от воли человека, и в этом смысле каждый – кузнец своего счастья.

В современной концептуальной формуле счастья как переживания удовлетворенности человека «жизнью в целом» [Татаркевич 1981: 42; Аргайл 1990: 42], т.е. своей судьбой и предназначением, более или менее четко выделяются такие семантические компоненты, как 1) объектив-

ный – внешние жизненные обстоятельства, и 2) субъективный – их оценка субъектом с точки зрения соответствия его магистральным жизненным установкам. В свою очередь, в этой оценке выделяются собственно аксиологический, рациональный момент (ХОРОШО – ПЛОХО) и момент её эмоционального переживания (РАДОСТЬ – ГОРЕ). Как показывают наблюдения над толкованием концепта счастья в лексикографических источниках, отдельные компоненты ‘формулы счастья’ гипостазируются не только в частеречных реализациях его имени, но и внутри словарного описания соответствующего ЛСВ в форме семантических множителей, отпавляющих к ‘источникам счастья’: СЧАСТЬЕ – «чувство радости», «желанная насыщенная жизнь», «покой, довольство», «благополучие» и пр.

В словарях русского языка у леммы *счастье* выделяется от двух [Ожегов 1953: 724] до 4 значений (ЛСВ) [СРЯ 1981, т. 4: 320; БТСРЯ 1998: 1297; СЯП 1956, т. 4: 441–442; ССРЛЯ 1963, т. 14: 1311; Ушаков 1996, т. 3: 615], в которых фиксируются основные этапы становления концепта СЧАСТЬЯ и основные компоненты его формулы.

Прежде всего, примечательно, что этимологически исходное значение «участь, доля, судьба», занимающее у В. Даля первое место в словарной статье [Даль 1998, т. 4: 371], в словарях современного русского языка перемещается на последнее место с пометой «разговорное» и «просторечное» [СРЯ 1981, т. 4: 320; 1963 ССРЛЯ, т. 14: 1311].

Следующее в эволюции концепта СЧАСТЬЕ значение, в котором гипостазируется его объективный момент, отражающий обстоятельства и условия внешнего благополучия субъекта, зависящие от воли случая, во всех словарях прочно занимает второе место: «успех, удача» [Ожегов 1953: 724; Ожегов–Шведова 1998: 783; СРЯ 1981, т. 4: 320; БТСРЯ 1998: 1297; ССРЛЯ 1963, т. 14: 1311], «удача, успех, благополучное стечение обстоятельств» [СЯП 1956, т. 4: 441–442], «успех, удача (преимущественно случайная)» [Ушаков 1996, т. 3: 615], «случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету» [Даль 1998, т. 4: 371].

Употребление лексемы *счастье* в функции предиката, управляющего объектной придаточной частью: «счастье, (что/если)...» связано прежде всего с гипостазированием интеллектуальной аксиологической оценки («очень хорошо» – [СЯП 1956, т. 4: 441-442]; «очень хорошо, крайне приятно» – [Ушаков 1996, т. 3: 615]): «Да, *счастье* у кого есть эдакий сынок» (Грибоедов); «*Счастье* еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрагу!» (Пушкин). В таком употреблении помимо положительной оценки события, отраженного в объектной части, имплицитно также отрицательная оценка соответствующего контрафактного события: «если бы этого не произошло, то было бы плохо». Введение в состав предиката указания на протагониста объектного события с помощью притяжательных местоимений («мое, твое, его, их и пр. счастье, что...») возвращает значение лексемы *счастье* к ЛСВ «удача, везенье» («повезло кому-либо, удачно вышло для кого-либо – [СРЯ 1981, т. 4: 320]; «удачно получилось для меня, тебя, него» – [Ушаков 1996, т. 3: 615]): «*Счастье* твое, дитяtko, – говорит ему баба-яга, – что ты ко мне прежде зашел, а то не бывать бы тебе живому» (А.Толстой); «*Счастье* его, что он не переломал себе ребер» (Помяловский); «*Твое счастье*, что раньше мне не попался! Я теперь не пытаю, душа устала...» (Незнанский).

Счастье в составе вводного слова («к счастью», «по счастью», «на счастье»), так же, как и в предикатном употреблении, прежде всего передает положительную аксиологическую оценку содержания высказывания говорящим – «выражает удовлетворение по поводу чего-нибудь» [Ожегов–Шведова 1998: 783; СРЯ 1981, т. 4: 320; БТСРЯ 1998: 1297]: «Я внутренне хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, *к счастью*, этого не заметил» (Лермонтов); «Я не знал, куда деваться: тут белеют овцы, там ворчит собака. *К счастью*, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери» (Лермонтов); «И удивление, *по счастью*, / От стрел любви меня хранит» (Баратынский); «Тупая грубость ваших слов / Его, *по счастью*, не терзала» (Симонов).

Вводное и предикатное употребление лексемы «счастье» сопровождается целым рядом речевых импликаций, связанных с вероятностными экспектациями говорящего («Я боялся, что случится не-Р») и предназначенных для модификации логических акцентов оценки: вместе с «Р хорошо» сообщается, что «не-Р плохо».

Осложнение вводного оборота именем протагониста («к твоему счастью», «к счастью для них» и пр.) отправляет значение лексемы *счастье* к объектному ЛСВ «удача, успех»: «О, если б мог он, в молнию одет, / Одним ударом весь разрушить свет!.. / (Но к счастью для вас, читатель милый, / Он не был одарен подобной силой)» (Лермонтов).

Оборот *на счастье* передает в современной речи чаще всего пожелание удачи: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, / Такую лапу не видал я сроду» (Есенин).

Последним по времени формирования и первым по лексикографической значимости в словарях современного русского языка идет ЛСВ СЧАСТЬЯ-ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ, исторически производный от ЛСВ СЧАСТЬЯ-УДАЧИ и СЧАСТЬЯ-БЛАГОЙ СУДЬБЫ: ср. нем. *Glück* от *gelingen* «происходить, случаться», англ. *happiness* от *to happen* «происходить, случаться», фр. *bonheur* от *bonum augurium* «благая судьба» [Татаркевич 1981: 61].

«Наш язык есть продукт долгой эволюции и содержит в себе (в упакованном виде) многое такое, что отдельным рассудочным усилием индивидуального ума мы не можем раскрутить, но тем не менее невольно раскручиваем, когда употребляем слова. Ибо употребление слов как раз и тянет за собой то понимание, которое в них вложено, но которое в то же время может и не быть достоянием нашего эксплицитного сознания» [Мамардашвили 1993: 215–216]. Воспроизводимые в словарных толкованиях СЧАСТЬЯ-ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ фелицитарные концепции восходят, может быть, к глубинным, архетипным структурам ‘коллективного бессознательного’, образующим фундаментальный уровень культуры. Счастье определяется как «состояние высшей/полной удовлетворенности жизнью», как «чувство высшего/глубокого/полного довольства» [СРЯ 1981, т. 4: 320;

БТСРЯ 1998: 1297; ССРЛЯ 1963, т. 14: 1311], и в этом определении в ретроспективе сливаются гедоническая (СЧАСТЬЕ – это удовольствие) и эпикурейская (СЧАСТЬЕ – это покой) концепции, поскольку и удовлетворенность, и удовольствие и довольство этимологически восходят к воле-желанию [Фасмер 1996, т. 1: 521; Шанский 2000: 332; Черных 1999, т. 1: 258]: быть довольным – значит иметь в достатке все то, что обеспечивает «желанную насущную жизнь, без горя, смут, тревоги», и, тем самым, счастье – это «все то, что покоит и доводит человека» [Даль 1998, т. 4: 371]. В то же самое время, если удовлетворение/удовлетворенность – результат положительной интеллектуальной оценки рефлексивной природы, возникающей преимущественно на основе сравнения [Татаркевич 1981: 76], то «чувство радости», входящее в качестве семантического множителя в толкование счастья-душевного состояния [СРЯ 1981, т. 4: 319; БТСРЯ 1998: 1297; Ушаков 1996, т. 3: 615], – уже непосредственная эмоциональная реакция органического происхождения.

Выделяемое в лексикографии значение счастья как источника счастья («о том, что приносит счастье» – [СЯП 1956, т. 4: 441]) является, очевидно, результатом метонимического переноса имени душевного состояния на причину, которая его вызывает. Психологически совокупность положительных эмоций, которую приносит субъекту переживание счастья, ближе всего к аффекту любви [Татаркевич 1981: 79], вот, видимо, почему счастье отождествляется с его наиболее интенсивным источником («воплощение чувства любви» – [Ушаков 1996, т. 3: 615]; «о счастливой любви, любовных наслаждениях» – [СЯП 1956, т. 4: 441]): «Где б ни был ты, возьми венок / Из рук младого / Сладострастья / И докажи, что ты знаток / В неведомой науке *счастья*» (Пушкин); «Но им открыл я тайну сладострастья / И младости веселые права, / Томленье чувств, восторги, слезы *счастья*, / И поцелуй, и нежные слова» (Пушкин).

Этимон СЧАСТЬЯ («благая судьба») семантически калькируется в лексемах *благоденствие* и *благополучие* (из *благая полука* «хорошая судьба» – [Шанский 2000: 25]; ср.: *получай* = «рок, судьба, слепой случай» – [Дьяченко 2000:

452]), принимающих участие в толковании СЧАСТЬЯ-ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ ([СЯП 1956, т. 4: 441; Ушаков 1996, т. 3: 615; Даль 1998, т. 4: 371]).

Прилагательное *счастливый*, как и все качественные прилагательные, допускающие видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени [Виноградов 1947: 262], образует краткую, нечленную форму *счастлив*, отмеченную формальными и функциональными ограничениями: она не склоняема и в современном языке употребляется лишь в функции предикатива (сказуемого), но никак не атрибута (определения) [Виноградов 1947: 265; Пешковский 1956: 223; Белошапкова 1981: 291].

Употребление полной и краткой форм прилагательного в позиции предикатива отличаются прежде всего тем, что членная форма обозначает признак, присущий предмету вне времени, а нечленная – его одномоментное качественное состояние [Виноградов 1947: 263]. Тем самым, если «*X счастливый*» отправляет к постоянной и завершенной характеристике субъекта, то «*X счастлив*» – к его разовому и преходящему состоянию, к ‘счастливому моменту’, к одному из фрагментов, из которых складывается мозаичная картина полнообъемного счастья: «И на этой на земле угрюмой / *Счастлив* тем, что я дышал и жил. / *Счастлив* тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве / И зверье, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове» (Есенин).

Большая часть лексикографических толкований прилагательного *счастливый* – перифразы с именем *счастье*: обладающий счастьем, выражающий счастье, полный счастья, приносящий счастье; такой, которому благоприятствует счастье и пр. В семантике прилагательного реализуются значения всех трёх основных ЛСВ имени *счастье*: счастливый человек – это и тот, кто испытывает счастье, и тот, кому благоприятствует удача, и тот, у кого благополучно складывается судьба.

Тем не менее, на употребление кратких форм, помимо функциональных и морфологических, накладываются еще

и семантические ограничения – они могут зависеть лишь от субъекта-лица (либо одушевленного существа), способного испытывать счастье и которому может благоприятствовать удача: «Я *счастлив*, что я этой силы частица, / что общие даже слезы из глаз» (Маяковский); «*Счастлив*, кто посетил сей мир / В его минуты роковые» (Тютчев); «Монета взвилась и упала звеня; все бросились к ней. – Вы *счастливы*, – сказал я Грушницкому, – вам стрелять первому!» (Лермонтов); «Сколь щедро взыскан я богами! / Сколь *счастлив* я между царями!» (Жуковский). Краткие формы реализуют преимущественно значение ЛСВ СЧАСТЬЯ–ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ, для выделения значения СЧАСТЬЯ–УДАЧИ употребляет предлог *в* (*счастлив в игре, любви, друзьях* и пр.): «Довольно *счастлив* я в товарищах моих, / Вакансии как раз открыты; / То старших выключат иных, / Другие, смотришь, перебить» (Грибоедов). Можно также отметить, что противопоставление полных и кратких форм прилагательного *счастливый* нейтрализуется в позиции инфинитива: *быть счастливым*.

ЛСВ прилагательного *счастливый*, соотносимые с ЛСВ имени *счастье* (СЧАСТЬЕ–ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ, СЧАСТЬЕ–УДАЧА), могут определять различные семантические разряды существительных: имена лиц, одушевленных существ, предметов, явлений, свойств, обстоятельств и пр., однако вектор семантической деривации, в основе которой лежит метонимический перенос, при употреблении этих ЛСВ разнонаправлен.

Так, СЧАСТЬЕ–ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ изначально – характеристика субъекта, способного испытывать эмоции («Стань общительной, говорливой, / Стань на старости лет *счастливой*» – Светлов; «Все-таки, когда-нибудь *счастливой*/ Разве ты со мною не была?» – Блок), и при определении прилагательным *счастливый* имен предметов и явлений семантический перенос движется в направлении от субъекта к объекту, от душевного состояния к причинам, его вызывающим, или к способам его манифестации: «Люблю я первый, будь уверен, / Твои *счастливые* грехи» (Пушкин); «И счастье жизни вечно новой, / И о былом *счастливый* сон»

(Бунин); «О, взор, *счастливым* и блестящий, / И холодок покорных уст! (Бунин); «Дышали милые черты / *Счастливым* детским смехом» (Некрасов). Имена обстоятельств раскрываются как места и времена, где и когда субъект речи или некто был, есть или будет счастлив: «В *счастливой* Москве, на Неглинной, / Со львами, с решеткой кругом, / Стоит одиноко старинный, / Гербами украшенный дом» (Некрасов); «И от недружеского взора / *Счастливым* домик охрани!» (Пушкин); «О миг *счастливым*, миг обманной, / Стократ блаженная тоска! (Бунин); «Хоть точный срок его неведом, / Держу я крепко свой обет, / Чтобы в *счастливым* День Победы / Помолодеть на двадцать лет» (Кедрин). В то же самое время *счастливым* – определение имени места – может отправлять к безличной совокупности обстоятельств, обеспечивающих человеку благоденствие и благополучие: «Там, за Данией *счастливой*, / Берега твои во мгле...» (Блок); «Поет ему и песни гор, / И песни Грузии *счастливой*» (Пушкин).

СЧАСТЬЕ–УДАЧА, напротив, – свойство внешних по отношению к субъекту обстоятельств, фетишизируемое в конкретных предметах («Но девы нежной не обманет / Мое *счастливое* кольцо» – Баратынский; «Приди, утешь мое уединенье, / *Счастливою* рукой благослови / Труды и дни грядущие мои» – Языков), и при определении имен лиц вектор метонимии направлен от объекта к субъекту: «Ты *счастливым*, мой мальчик, тебе везет, тебе всегда и во всем везет» (А.Н.Толстой); «Тургенев, верный покровитель / Попов, евреев и скопцов, / Но слишком *счастливым* гонитель / И езуитов, и глупцов...» (Пушкин). Для передачи значения счастья-удачи в позиции подлежащего или предикатива русский язык располагает лексемой *счастливец/счастливчик*, ср.: «*Счастливые* часов не наблюдают» (Грибоедов) и «*Счастливы* мнимые, способны ль вы понять / Участья нежного сердечную услугу?» (Баратынский); «*Счастливым* резвым, молодым / Оставим страсти заблужденья» (Пушкин).

«*Счастливая любовь*» – это любовь взаимная: «Я любовников *счастливых* / Узнаю по их глазам» (Пушкин); «Как *счастливая* любовь, / Рассудительна и зла» (Ахмато-

ва). «Счастливая судьба/звезда/доля/участь» – это, в принципе, тавтологии счастья: «Чего же жду я, очарованный / Моей *счастливою* звездой...?» (Блок); «Да не дал только бог / Доли мне *счастливой*» (Суриков).

Следует отметить, однако, что речевое употребление и полных и кратких форм прилагательного *счастливый* в значительной части контекстов не позволяет разделить значения его основных ЛСВ, семантическая специфика которых здесь, очевидно, нейтрализуется: «*Счастлив*, кто падает вниз головой: / Мир для него хоть на миг – а иной» (Ходасевич); «*Счастлив*, кто жизнь свою украсил / Бродяжной палкой и сумой» (Есенин); «*Счастлив* в наш век, кому победа / Далась не кровью, а умом» (Тютчев); «*Счастливый* юноша, ты всем меня пленил» (Пушкин); «Что впереди? *Счастливый* долгий путь» (Бунин); «*Счастливый* день! могу сегодня я / В шестой сундук (В сундук еще неполный) / Горсть золота накопленного всыпать» (Пушкин).

И, наконец, вербальные реализации концепта СЧАСТЬЕ представлены глаголами *счастливить/осчастливить* и *счастливиться/посчастливиться*, из которых в современном литературном языке встречаются лишь приставочные формы, причем *осчастливить* употребляется преимущественно в ироническом смысле [Ожегов 1953: 417]. *Счастливить/осчастливить* соотносимы со значением СЧАСТЬЯ–РАДОСТИ, *счастливиться/посчастливиться* – со значением СЧАСТЬЯ–УДАЧИ: «Вы забыли, что человек счастлив заблуждениями, местами и надеждами; действительность не *счастливит*» (Гончаров); «Я дочь мою мнил *осчастливить* браком – / Как буря, смерть уносит жениха» (Пушкин); «Со слов старика выходило так, что жену и её родню он *осчастливил*, детей награждал, приказчиков и служащих благодетельствовал и всю улицу заставил за себя бога молить» (Чехов); «Где поётся, там и *счастливится*» (Лермонтов); «Вчера перед ним полковник военной разведки объяснялся, сегодня тебе *посчастливилось*» (Незнанский).

В ассоциативные отношения (тематические, парадигматические, синтагматические) вступают ЛСВ конкретных

частеречных реализаций имени концепта СЧАСТЬЕ. Особенностью синонимии СЧАСТЬЯ-РАДОСТИ является наличие семантического дублета *блаженство* [Александрова 1986: 531], в котором гипостазирован субъективный момент этого концепта и который в литературном языке обычно в речи функционирует в качестве интенсификатора. Адъективные реализации концепта СЧАСТЬЯ-РАДОСТИ синонимизируются преимущественно синестезически, через вкусовые (*сладкий*) и цветовые (*золотой*) апперцепции [Словарь синонимов 1971, т. 2: 526–527]. Если говорить о цветовых ассоциациях счастья (*сиять, золотой, солнечный, светлый* – [РСС 1982: 482]), то они хорошо согласуются с общей тенденцией концептуализации положительных эмоций [Апресян 1995, т.2: 372], и «золотое время» в русской поэзии это, как правило, счастливое время: «Я вспомнил время *золотое*, - / И сердцу стало так тепло» (Тютчев); «Края Москвы, края родные, / Где на заре цветущих лет / Часы беспечности я тратил *золотые*, / Не зная горестей и бед» (Пушкин). Индивидуально, поэтическое счастье может ассоциироваться и с цветом синевы: «Сердце остыло, и выцвели очи... / *Синее счастье!* Лунные ночи! (Есенин).

Между СЧАСТЬЕМ и НЕСЧАСТЬЕМ формально, на уровне словообразования существует антонимическая симметрия, подобная симметрии между УДОВОЛЬСТВИЕМ и НЕУДОВОЛЬСТВИЕМ, однако симметрия содержательная, семантическая, существующая между НАСЛАЖДЕНИЕМ и БОЛЬЮ, РАДОСТЬЮ и ГОРЕМ, ВЕСЕЛЬЕМ и ГРУСТЬЮ, здесь, очевидно, места не имеет.

В философских (этических) фелицитарных теориях, ориентированных на счастье как высшую ценность, «меру добра в жизни человека, идеал совершенства личности и бытия вообще» [Дубко 1989: 61], несчастья нет в принципе, как нет противоположности идеалу. Тем не менее, несчастье вполне вписывается в психологические теории, где счастьем противопоставляется горе, а удовлетворенности жизнью в целом – неудовлетворенность [Татаркевич 1981: 100].

Обыденное сознание, зеркалом которого является естественный язык, в общих чертах принимает именно пси-

хологические теории счастья, восходящие к «эвтюмии» («хорошее настроение») Демокрита. Однако слово *несчастье* в значении интенсивного отрицательного переживания в языке употребляется относительно редко, и факт это зафиксирован лексикографически: в толковых словарях русского языка на первом месте в статье *несчастье* стоит «тяжелое, (трагическое) событие, несчастный случай» [СРЯ 1982, т. 2: 484; БТСРЯ 1998: 643] или «беда» [Ожегов 1953: 367; СЯП 1957, т. 2: 843], т.е. подчеркивается внешняя, объективная сторона каких-либо неблагоприятных обстоятельств, а уж затем идет «горе» как глубокое душевное страдание – «внутреннее ощущение несчастья» [Степанов 1997: 267]. Можно также отметить, что в семантике НЕСЧАСТЬЯ–БЕДЫ отсутствует момент случайности (невезения), присутствующие в значении СЧАСТЬЯ–УДАЧИ, а в семантике НЕСЧАСТЬЯ–ГОРЯ нет вероятностных экспектаций, присущих РАДОСТИ («Радость есть удовольствие, сопровождаемое идеей прошедшей вещи, случившейся *сверх ожидания*» – Спиноза).

Исследование значимостной, внутрисистемной составляющей концепта СЧАСТЬЯ показывает, что историческая семантика, воплощенная в 'культурной памяти' имени концепта, отражается на распределении ЛСВ и частеречных реализаций этого имени, а также участвует в становлении его синонимических и антонимических ассоциативных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1986.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х томах. М., 1995.
3. Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.
4. Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // ВЯ. 1998. № 3. С. 94–106.
5. Белашапкова В.А. и др. Современный русский язык. М., 1981.
6. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3-х томах. СПб., 1996.

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1998.
10. Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал, справедливость, счастье. М., 1989.
11. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 2000.
12. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // ВЯ. 2001. № 2. С. 13–25.
13. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 3–16.
14. Кессиди Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 5–37.
15. Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
16. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1997. С. 11–35.
17. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993.
18. Москвин В.П. Н.Ф.Алефиренко. Спорные проблемы семантики. Рецензия // ВЯ. 2000. № 6. С. 137–140.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953.
20. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
21. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
22. РСС – Русский семантический словарь (Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову). М., 1982.
23. СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1981.
24. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. М., 1971.
25. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.-Л., 1951-1965.
26. СЯП – Словарь языка Пушкина: В 4-х т. М., 1956.
27. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
28. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998.
29. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
30. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
31. Толстая С.М. Глаголы судьбы и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
32. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. М., 1986.

33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. СПб., 1996.
34. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 1999.
35. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М., 2000.
36. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // ВЯ. 1998. № 3. С. 43-73.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 01-04-38002 а/Ю).

Получено 17.05.2001 Кубанский государственный
технологический университет